

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ МИФА:
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, ВАРИАНТЫ, ПАРАМЕТРЫ¹**

Ставицкий Андрей Владимирович,

Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в г.
Севастополе (г. Севастополь, Россия)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению методологических подходов структурирования мифа с учетом критики структуры мифов, предложенной К. Леви-Строссом в его «Структурной антропологии». Данная гипотеза строится на установке, что миф является лингвистическим объектом. Поэтому в качестве исходной матричной основы для структурирования мифа К. Леви-Строссом была взята «фраза» или «высказывание». Хотя миф не просто лингвистический объект, а базовая культурная универсалия.

Исследователи, которые считают, что миф есть универсалия культуры и её смысловая матрица в качестве основы структурирования мифа используют не фразу, а всё мифологическое пространство как единое целое во всём его бесконечном многообразии.

В результате, изучая миф, исследователь сталкивается с удивительным разнообразием мифических форм, которые представляют собой не единообразно устроенную структуру, а некоторое множество различных, но взаимосвязанных систем. На первый взгляд они кажутся абсолютно несовместимыми, но при этом сохраняют свое диалектическое единство, показывая, что миф функционирует как сложная, динамичная, но крайне устойчивая и самодостаточная структура.

Поэтому современному мифу свойственна внутренняя динамика и склонность к постоянной трансформации, где вся мифическая структура во всём своём разнообразии функционирует в разных режимах и на разных уровнях как единое целое за счет структурной и смысловой избыточности.

Ключевые слова: миф, структура мифов, К. Леви-Стросс, миф как универсалия культуры

**MYTHOLOGICAL STRUCTURES IN THE LIGHT OF THE GENERAL
THEORY OF MYTH: BASIC APPROACHES, OPTIONS, PARAMETERS**

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol
(Sevastopol, Russia)

Abstract

The article is devoted to the consideration of methodological approaches to myth structuring, taking into account the critique of myth structure proposed by C. Lévi-Strauss in his "Structural Anthropology". This hypothesis is based on the installation that myth is a linguistic object. Therefore, C. Lévi-Strauss took "phrase" or "utterance" as the initial matrix basis for structuring myth. Although myth is not just a linguistic object, it is a basic cultural universal.

¹ Данная статья продолжает тему, поднятую и рассмотренную автором ранее (См.: Ставицкий А.В. Структура мифа по К. Леви-Строссу: опыт несостоятельного // Вопросы психолингвистики № 1 (35), 2018. С. 126–140; Ставицкий А.В. Миф и исходные параметры его структурирования // Вопросы психолингвистики № 3 (41), 2019. С. 174–185).

Researchers who believe that myth is a universal of culture and its semantic matrix use not a phrase, but the entire mythological space as a single whole in all its infinite diversity as a basis for structuring myth.

As a result, when studying myth, the researcher is faced with an amazing diversity of mythic forms, which are not a uniformly arranged structure, but a number of different but interrelated systems. At first glance they seem to be absolutely incompatible, but at the same time they retain their dialectical unity, showing that myth functions as a complex, dynamic, but extremely stable and self-sufficient structure.

Therefore, modern myth is characterized by internal dynamics and a tendency to constant transformation, where the entire mythic structure in all its diversity functions in different modes and at different levels as a single whole due to structural and semantic redundancy.

Keywords: myth, structure of myths, K. Levi-Strauss, myth as a universal of culture

Введение

Особое место в изучении мифа как универсалии культуры [5; 28] играет исследование его структуры. Ведь, как писал Дж. Кэмпбелл, «вся жизнь – структура» [10, с. 55]. Хотя к ней и не сводится. Что вынуждает вновь ввести данный вопрос в поле дискуссионного обсуждения наряду с другими [20], предлагая новые подходы к, казалось бы, изученной теме.

Что же смущает в структуре мифа по К. Леви-Строссу? Начнем с того, что идея заложить в основу новой теории положения структурной лингвистики, разработанной в течение первой половины XX века в работах исследователей от Ф. де Соссюра до Р.О. Якобсона и Н.С. Трубецкого, стала мощнейшим прорывом в мифологических исследованиях. Ведь лингвисты исходили из того, что язык выступает грамматической системой и регулятором речи, её формализующим и формообразующим началом. По их представлениям язык есть социальная знаковая система, подчиняющаяся строгим правилам и представляющая собой совокупность отношений, где «значение слова определяется не предметом, которым это слово обозначается, а окружением этого слова в системе языка» [22, с. 364]. Впрочем, и вся культура может быть представлена как совокупность символических систем, имеющая свою структуру. Но с языком лингвистам и семиологам было работать проще в силу их научной специализации. Опираясь на их исследования, К. Леви-Стросс сумел создать одну из самых глубоких и разработанных теорий мифа в XX в., центральное место в которой занимала структура мифов [14, с. 213–241]. И она позволила заполнить своеобразную концептуальную пустоту в рамках проблематики формирования мыслительных операций.

По мнению К. Леви-Стросса «человеческое поведение и сознание могут и должны изучаться конкретно-научно, т.е. подобно тому, как физик изучает атомы, химик – химические элементы и их соединения, а биолог – изучает живые организмы» [22, с. 367]. Исходя из этого, К. Леви-Стросс полагал, что сможет постичь бессознательное научно-рациональными методами, выведя строгие структурные определенности и даже своеобразную «формулу мифа», чтобы миф декодировать и расшифровать [14, с. 239]. Однако возможности чисто рациональных методов к сфере, которая относительно науки выглядит иррационально и имеет свой особый язык, оказались довольно ограниченными [30].

В принципе, если полагать, что миф есть лишь нарратив, повествование, набор связанных слов, которые лучше свести к фразе, можно считать, что К. Леви-Стросс своей цели достиг. И многие до сих пор так думают, продолжая раз за разом

отражать и интерпретировать «структуру мифа» à la Claude Lévi-Strauss, гоняя её по кругу в рамках привычного и не двигаясь вперед [37; 38].

И всё было бы хорошо, если не учитывать, что миф – не столько лингвистический объект, сколько базовая культурная универсалия [19, с. 510–517], которую силами одной научной дисциплины изучать столь же малопродуктивно, как изучать человека только силами биологии или химии [21]. Биолог сможет весьма преуспеть в изучении кровеносной системы человека или работы его кишечника, и даже кое-что понять в том, как работает человеческий мозг, хотя это уже требует особой научной специализации. Но без знания психологии, социологии, культурологии и многих других гуманитарных дисциплин, его выводы для понимания человека и его места в социуме ничего не дадут. Поэтому все узкие специалисты в изучении мифа как целого вполне заслуживают сравнения со слепцами, ощупывающими слона. Хотя их знания деталей в рамках конкретных научных дисциплин вполне принимаются и даже приветствуются. Но правильно ли сводить миф к повествованию и на основании этого предлагать для мифа аналогичную структуру? Насколько правомерно интегрировать в мифе структуру и событие [13, с. 134], не учитывая остального?

В основе сложившейся проблемы лежит парадокс мифологической структуры, который заключается в том, что с одной стороны, как символически означенный образ реальности миф [32] должен быть структурированным. Ведь даже самые элементарные явления знаковой системы обретают структуру, если их наделить смыслом, а миф – это смыслонесущая и в образно-символической форме отражённая сознанием реальность, где мифотворчество есть процесс смыслообразования. Но с другой стороны – при такой универсальной пластичности и многообразии проявления некая единственная и законченная структура мифу оказалась не нужна, ибо в зависимости от подходов его структура каждый раз меняется.

Исходя из этого, предложенную К. Леви-Строссом структуру мифа можно отнести к великим заблуждениям последнего столетия, которое увлекает и очаровывает исследователей уже более пятидесяти лет, но в познании мифа не продвигает, несмотря на титанический труд великого французского антрополога, его многочисленных поклонников и последователей. Впрочем, его вклада в изучение мифа данный аспект несколько не умаляет. Тем более, что иные ошибки в дальнейшем процессе познания играют роль опоры для того, чтобы исследователям двигаться дальше.

Основные методологические принципы структурирования мифа

Когда речь заходит об исходных параметрах структурирования мифа, следует в первую очередь учесть, что мифология – не банк данных, а чрезвычайно сложно организованный механизм мифологического освоения реальности, способный и постоянно осуществляющий функцию хранения зашифрованных в образно-символической форме знаний. В соответствии с ним миф постоянно вырабатывает наиболее удобные и эффективные способы хранения и обработки информации, зашифровывая и дешифруя её, качественно трансформируя, а также переводя из одной системы знаков в другую. И поэтому знать, как организован миф, как выстраивается и из чего состоит его структура, для познания мифа чрезвычайно важно.

Структура позволяет выявить те основы объекта, которые играют роль матрицы и обеспечивают её той стабильностью, без которой она не только теряет

свою органичность, но и не может существовать. Проще говоря, выявление структуры объекта познания делает его более понятным. Но по отношению к стремящейся к максимально возможной упорядоченности науке миф воспринимается как динамично развивающаяся критичность, что не может науку устраивать. Однако при анализе мифа создаётся впечатление, что пытаться структурировать мифологию всё равно, что резать воду ножом. В самом деле, как структурировать то, что настолько тотально, универсально, многообразно и изменчиво, что проявляется во всём и не поддаётся какому-то однозначному определению? Возможно, поэтому Ю.М. Лотман настаивал на том, что при анализе столь сложного, динамичного и многозначного явления, каким является миф, «удобнее не давать какого-либо всеобщего определения, а оттолкнуться от интуитивно данных нам нашим культурным опытом представлений и в дальнейшем стараться их обобщить» [16, с. 240]. И мы бы с ним полностью согласились, если бы не ранее упомянутое соображение удобства. Да и вопрос перевода интуитивно данных нам представлений на язык науки без значимых смысловых потерь остаётся крайне проблематичным.

Впрочем, предварительно замороженную воду разрезать можно. И, наверное, именно этим занимаются исследователи, пытаясь структурировать миф. Однако, поскольку их стремление социально мотивировано и научно оправданно, нам следует оговорить ряд особенностей восприятия мифа, без которых разобраться в проблеме невозможно.

1) Хотя современному мифу свойственна внутренняя динамика и склонность к постоянной трансформации, исследователь, занимаясь описанием исследуемого объекта, прибегает к анализу статичных структур, то есть лишённых присущего им движения, переводя их на язык науки. Поэтому статика – лишь вспомогательный научный приём, а не специфический способ существования объекта. Статичность вытекает из особенностей методики описания и, следовательно, нуждается в существенной дополнительной корректировке. Синхронно-диахронный метод старается эти особенности исследования мифа учесть, но не может избежать условности и приблизительности. Тем не менее у нас нет другого выбора. Проблема структуры мифа должна быть рассмотрена и решена, ибо знание структуры мифа является знанием онтологического порядка. Недаром, в связи с этим К. Хьюбнер писал: «Очевидно, в различных мифах и многообразных теориях мы усматриваем нечто общее, что позволяет нам охватывать многообразие в том и в другом случае соответствующим понятием. Это общее, свойственное различным мифам, соответственно теориям, есть их структура», включающая «связь, строение и внутреннее членение целого». Ясно, что она определяется «основными элементами соответствующего рассмотрения действительности и бытия и характером их соотношения» [35] и не будет понятна вне факта социокультурного разнообразия мира и психофизических различий между людьми.

2) Исходные установочные представления о мифической структуре нам мало что дают, так как исследователь сталкивается с удивительным разнообразием мифических форм, которые на первый взгляд абсолютно несовместимы. Но, несмотря на это, миф легко скрепляет воедино разные формы, контексты, элементы и коды, каждый раз сохраняя свою цельность. Особенно это хорошо видно по мифическим текстам, которые по сути своей синкретичны и содержат разные смыслы и коды, не распадаясь в рамках целого, а потому для их исследования

приходится «обращаться ко множеству измерений» [12, с. 776], не теряя целостности.

3) Поскольку миф представляет собой не одну единообразно устроенную структуру, а некоторое множество взаимосвязанных, но различных систем, исследователь мифа должен быть готов иметь дело с образом каждой отдельной мифосистемы, все элементы которой находятся не в статическом, а в динамическом соотношении, постоянно меняя принципы и условия отношения друг к другу.

4) Помимо сказанного следует учесть и то довольно важное обстоятельство, что в мифологии «работает» не последний культурный (временной) срез, который в данный исторический период востребован и пребывает на «поверхности», но вся мифическая структура во всём своём разнообразии, функционирующая в разных режимах и на разных уровнях как единое целое. А поскольку живое многообразие не может не создавать противоречий, хотя содержание мифа, как правило, непротиворечиво, сам «миф противоречив по своей сути» [14, с. 215], что бы о его непротиворечивости отдельные исследователи ни писали.

5) Способность мифа трансформироваться и скрываться за более заметными явлениями, принимая их форму и удовлетворяя желания людей, делают миф таким нужным, что человек не откажется от него никогда. Но вместе с тем, в этой его способности, делающей миф неуловимым для исследования, заключается и возможный вариант ответа, который показывает, что структуру мифа надо искать не в самом мифе, а в тех вещах и явлениях, которые он мифологизирует.

Чтобы разобраться в альтернативных вариантах структурирования мифа по версии К. Леви-Строса [14, с. 213–241], которая оказалась не настолько успешной и состоятельной, как казалось исследователям ранее [30], мало разобраться в исходных параметрах структурирования мифа [27]. Необходимо ещё выяснить основные варианты его структурирования. Рассмотрению этой проблемы и посвящена данная статья.

Базовые основы структуризации мифа

Для определения базовых основ структуризации мифа необходимо принять ряд исходных условий:

1) К мифу следует относиться не как чистому лингвистическому объекту, поскольку он не сводится к словам, а как к базовой универсалии культуры.

2) Вопреки гипотезе К. Леви-Строса, в силу универсальной пластичности мифа, следует признать, что у него нет своей особой структуры, т.к. он обретает структуру того объекта, который мифологизирует [30]. Анализ имеющихся данных по поиску структуры мифа достаточно ясно показывает, что единой универсальной структуры мифа не существуют, так как она будет разной в зависимости от системы отсчёта и того явления, которое в данный момент изучается, как объект мифологизации. Следовательно, ответ на вопрос, какой может быть структура мифа следует искать на пути поиска структурного многообразия.

Впрочем, последнее обстоятельство не исключает того, что миф можно структурировать, делая это по-разному в зависимости от исходных подходов структурирования. Подтверждение этому мы находим у одного из лучших знатоков мифа в XX в. выдающегося филолога Е.М. Мелетинского, который в своей «Поэтике мифа» в главе «Структурализм» написал: «миф пользуется событиями как материалом для перегруппировки структур, конструирует предметно-событийный мир, уже исходя из структуры» [17, с. 71]. Т.е. структуры конкретного

мифологизируемого материала, который может быть разным в зависимости от этого материала. Как, скажем, знаменитая загадка Сфинкса, предлагающая структуру человека во времени: «кто утром ходит на четырех ногах, днём – на двух, а вечером – на трёх?». В этом плане мы даже не берем в расчет, что живой миф структурируется через обряд, а ритуалы структурируют любую цивилизацию [10, с. 63].

Попробуем предложить наиболее интересные варианты структурирования.

1) Любая структура вещи или явления может быть выстроена на основе трёх основных параметров: внутреннего устройства, системных свойств и способов функционирования (поведения), что уже позволяет на их основе оформить общую мифическую структуру. Как следствие, в рамках разной структурности миф можно условно представить, как миф-знак [1], миф-текст [9], миф-образ [2] и миф-функцию [29]. Однако следует также учесть, что независимо от предложенного подхода миф является единым неделимым целым, несмотря на те предпочтения, которыми отличаются исследователи. Так, для филологов в первую очередь важен миф-текст [31]. Семиологи отдают предпочтение мифу-знаку [7], а культурологи – мифу-образу [34]. Но всем им, включая весь социум, приходится испытывать на себе непрерывное воздействие мифа-функции [11]. Однако всё это является одним неразрывным целым, существующим в мифе-пространстве.

Также отметим, что каждый из предложенных элементов мифа способен стать основой его структуры или естественной её частью. Поэтому анализ моделей мифологических структур вынуждает признать, что мифология в одном варианте может стать организованной по иерархическому принципу единой структурой, а в другой – как совокупность разных структур.

Исходя из этого, выдающимся семиологом Ю.М. Лотманом был предложен такой подход к рассмотрению структуры мифа, который представит его «глазами мифологического сознания», где он «должен казаться составленным из объектов:

- 1) одноранговых (понятие логической иерархии в принципе находится вне сознания данного типа);
- 2) нерасчленимых на признаки (каждая вещь рассматривается как интегральное целое);
- 3) однократных (представление о многократности вещей подразумевает включение их в некоторые общие множества, то есть наличие уровня метаописания)» [16, с. 526].

Впрочем, Ю.М. Лотман шел в своих размышлениях дальше: «Парадоксальным образом мифологический мир однорангов в смысле логической иерархии, но зато в высшей степени иерархичен в семантически-ценностном плане; нерасчленим на признаки, но при этом в чрезвычайной степени расчленим на части (составные вещественные куски); наконец, однократность предметов не мешает мифологическому сознанию рассматривать – странным для нас образом – совершенно различные, с точки зрения немифологического мышления, предметы как один» [16, с. 527]. Исходя из этого миф может быть системным и несистемным одновременно, а значит в силу своего языка для науки отторгаемым и неуловимым.

Другой подход в структурировании мифа был предложен А.Ф. Лосевым. Так, «взяв за основу исследования мифа принципы диалектики, А.Ф. Лосев уже тем самым определил, в каком ключе он собирается миф структурировать. Ведь диалектическую структуру триады (тезис – антитезис – синтез) уже можно воспринимать как основу структуры мифа, не отягощая её частными деталями.

Причём, основу не догматическую, а живую, пребывающую в развитии и открытую всему, что может её насытить, усложнить, обогатить» [18, с. 187]. Как видим, диалектика не только предлагает основу структуры мифа, но и навязывает ему необходимый для развития мифа максимально универсальный метод [18], требующий трактовать миф как универсалию культуры максимально расширительно [24]. Размышляя о диалектической структуре мифа, А.Ф. Лосев заметил, что «в мифе ... наблюдается своя собственная, специфическая разделенность и диалектическое противоречие», т. к. «миф ... доступен триадическому делению» [15, с. 382], и поэтому его необходимо понимать и рассматривать «троично», учитывая «иерархийную природу имени» [15, с. 420].

Развивая свою мысль далее, А.Ф. Лосев подчёркивал: «*Личность, история и слово* [здесь и далее: курсив А. Л.] – диалектическая триада в недрах самой мифологии. Это – диалектическое строение самой мифологии, структура самого мифа. Вот почему всякая реальная мифология содержит в себе 1) учение о перводанном светлом бытии, или просто о перводанной сущности, 2) теогонический и вообще исторический процесс и, наконец, 3) дошедшую до степени самосознания себя в инобытии перводанную сущность» [15, с. 382–383].

Впрочем, следует оговорить, что сам А.Ф. Лосев при этом подчёркивал, что в данном случае у него речь идёт не о мифе как таковом, но о его понятии. «То, что мы исследовали, можно назвать исследованием *понятия* мифа. Мы фиксировали самые основные и примитивные моменты, без которых миф невозможен как миф. Но этим, разумеется, еще ничего не сделано для реального анализа реальных типов мифологии. Миф не есть понятие мифа. Из тех смысловых установок, которые мы нашли в понятии мифа, вернее, из их различной комбинации, мы должны получить *диалектическую классификацию* сначала *основных типов мифологии вообще*, а потом и диалектическую структуру *отдельных мифов*» (15, с. 387). Попутно в ходе рассмотрения двух «структур имени» А.Ф. Лосев составил «таблицу 67 моментов в имени», которую можно представить, как его структуру или один из её вариантов [15, с. 147–149].

Несколько иную структуру мифа предложил российский философ и политолог В.С. Полосин, по мнению которого «структура мифа состоит из:

- *архетипа*, логической схемы ситуации или истории..., многократно возникающей в общественной жизни и зафиксированной в общественном (под)сознании;

- *смыслового содержания*, эмпирически извлеченного из социального опыта;

- *системы образов*, функциональная символика которых соотносит конкретный опыт с соответствующим ему архетипом и трансформирует рациональное содержание этого опыта в иносказательную историю» [25, с. 51].

Впрочем, как уже было сказано ранее, мифологию не стоит сводить к набору различных мифов. И поэтому исследование мифологии предусматривает три разных уровня, где она может быть организована и представлена как:

- 1) система текстов;

- 2) набор функций;

- 3) социокультурное пространство, где функции и тексты взаимодействуют, формируя некое живое «поле игры» [8; 32].

И тогда в мифе на первом уровне формируется заданное своей особой мифологией смысловое содержание мифов и мифотворчества, которое обеспечивает специфику развития и соотношения всех мифологических структур и

выстраивает их иерархию. На втором уровне миф показывает, как и на какие сферы общественной жизни он воздействует. На третьем уровне мифологии формируется общий социокультурный контекст, обеспечивающий нужное качество среды, в которой мифы функционируют в режиме обратной связи [33]. При этом следует учесть, что все эти процессы происходят в жизни и культуре одновременно. А значит, мифология как единое социокультурное пространство формирует поле функционирования мифов, где они выступают как в роли мифа-текста, так и в роли мифа-функции, оставаясь вместе с тем символически означенным образом, воплощающим в себе тот или иной социально обоснованный и психологически необходимый архетип [36].

В процессе такого взаимодействия мифы-тексты предлагают весь набор мифологических функций, воплощаясь через них и трансформируясь, а мифологические функции обслуживают тексты, давая им возможность обеспечить необходимую для их реализации «игру смыслов» в рамках всего мифологического пространства культуры.

В одной из своих работ Ю.М. Лотман писал: «Культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложные переплетения текстов» [16, с. 72]. Естественно, о мифе можно написать аналогично. Особенно, если учесть, что «сам текст мыслится не как некоторый стабильный объект, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции» [16, с. 102]. Впрочем, особо стоит отметить, что в этом случае мифологическое пространство играет определяющую роль, с одной стороны являясь основой своей структуры, а с другой – местом, в рамках которого формируются структуры иного порядка. Как единое целое, это пространство обладает известным постоянством. Но при этом оно может меняться в зависимости от исходных установок и мотивации, не разрушая целое [6], где мифосфера как единое мифологически оформленное смысловое поле может быть разделено на соответствующие уровни, включая знак – идею – сюжет – тему.

В них знак, код, шифр или символ могут быть воплощены в минимальной форме: слове, которое выступает культурным архетипом [19, с. 186–189, 285–288]. Скажем, в таких воплощениях как Ветер, Небо, Земля, Вода, Огонь, Мир, Дом, Время, Любовь, Отечество, Творение, Путь и пр. Однако есть формы ещё меньшие. Например, число или буква. Так каждая буква в старых алфавитах разворачивалась в слово и имела свою космогонию. С числами происходит тоже самое. В свою очередь идея (мысль) может быть выстроена в форме фразы, способной быть слоганом, лозунгом или призывом, способным нести достаточно ёмкую и развёрнутую, способную к саморазвитию информацию [8]. При этом не стоит и недооценивать и сюжет, который легко выстроить вокруг определенного архетипического явления, основанного на какой-либо идее или обходящегося без неё. Попутно знак может быть и темой, и идеей, включая в себя различные темы и идеи, раскрывая и структурируя их [3].

Впрочем, следует ответить ещё один вариант, где мифологическое пространство может быть разделено на три основных уровня: природы (мира), общества (социума), а также человека и его души, где в рамках структурной комбинации «мир – общество – человек» не только удаётся раскрыть различные уровни мифологического взаимодействия, но и выстроить иерархию «природных» (космогонических), социальных (космоургических), психологических и

семиологических проблем. В свою очередь в ней можно настроить и отразить те внутренние смысловые связи между различными элементами и пластами мифологического поля, которые превращают его в одно целое.

С другой стороны, современный миф можно разделить на естественнонаучный, исторический, антропологический, психологический, семиологический, социальный, культурологический и глобальный (цивилизационный) аспекты, которые он освещает в рамках своего функционирования.

Разумеется, данной вполне упорядоченной структурой миф не исчерпывается. Так, например, в зависимости от целеполагания В.С. Полосин выделяет четыре мифологии:

- «1) *общекультурная* мифология (главная цель – сам человек);
- 2) *национальная* мифология (главная цель – великая Семья);
- 3) *религиозная* мифология (главная цель – абсолютное бытие);
- 4) *политическая* мифология (главная цель – политическая власть)» [25, с.54].

При этом каждая из этих мифологий в свою очередь структурируется.

Аналогичные структуры предлагают и другие гуманитарные науки. Семиология выстраивает её на трёх уровнях как миф-текст, миф-знак и миф-пространство. Психология предлагает структурировать реализацию мифа на подсознательном, сознательном и надсознательном уровнях [4] или когнитивном, психологическом и ценностном [23]. Социальные дисциплины делят мифологическое пространство на сферы проявления экономических, социальных, политических и культурных мифов, которые легко организуют и разворачивают свои внутренние мифологические структуры. Понятно, что другие включенные в мифологическое пространство научные дисциплины можно структурировать таким же образом. Но будут ли эти варианты исчерпаны? Скорее всего, нет, т.к. миф неисчерпаем в рамках своего смыслового разнообразия, предлагая структуру того явления, которое мифологизирует [27].

Основные параметры и варианты структуризации мифа

От базовых основ и условий, определяющих характер той или иной структуры мифа, следует перейти к тем параметрам и вариантам его структуризации, которые из них вытекают. Ведь ими структурное разнообразие мифа не исчерпывается. Поэтому в рамках имеющихся возможностей предложим другие варианты структурирования.

Так, временная структура мифа выстраивается вокруг трёх временных основ: прошлого, настоящего и будущего, где каждая имеет свою довольно динамичную структуру, меняющуюся в зависимости от смысловой установки. В ней прошлое может быть близким или дальним, не считая того прошлого, которое воспринимается как начало, исток, а будущее - ближайшим, дальним, конечным и запредельным.

Кстати, что касается будущего, в посвящённых мифу работах можно встретить утверждение, что миф обращён в прошлое, и поэтому с будущим не связан. Но на наш взгляд, данная установка является ошибочной. Ведь современный миф охватывает любые временные срезы, в том числе и будущее, предлагая для него различные планы, прогнозы, программы, проекты, предвидения, пророчества и утопии. От программ коммунистической партии и «образов будущего» в духе докладов членов Римского клуба и других центров

социального и глобального прогнозирования – до «Города Солнца» Т. Кампанеллы и Апокалипсиса Иоанна Богослова.

Ещё один вариант модели живой функционирующей структуры, выстроенной на основе частного проявления бинарности, был предложен Ю.М. Лотманом применительно к функционированию культуры. «Идеальной моделью становится триединство, в котором всякое целое есть часть целого более высокого порядка, а всякая часть есть целое на более низком уровне. Нарастание устройства достигается не присоединением к нему способом аккумуляции новых звеньев, а включением его – сверху – в единстве высших уровней в качестве их части, а снизу – путем превращения его частей в имманентные самостоятельно функционирующие на своем уровне структуры, распадающиеся, в свою очередь, на имманентно организованные и самостоятельно функционирующие субструктуры. Способность части любого уровня функционировать как целое, а любого целого – как часть создает высокую концентрацию информации и практически неисчерпаемые резервы нового смыслообразования» [16, с. 586], – писал он.

Причём, мало того, что в данном случае даётся прекрасный образец использования синхронно-диахронного метода к проблеме структурирования мифа как целого, пребывающего в постоянном развитии. Полезность и преимущество вышеупомянутой структуры в том, что она не просто предлагает основу для структурирования мифа как целого, а закладывает механизм его функционирования и изменчивости.

Кстати Ю.М. Лотман этим не ограничился и предположил, что социокультурное пространство может быть разделено на три основных класса «интеллектуальных объектов», создающих ту саморазвивающую структуру, в рамках которой и миф, и наука, и культура в целом функционируют: «естественное сознание человека (отдельной человеческой единицы), текст (во втором значении), культуру как коллективный интеллект» [16, с. 584]. И на наш взгляд, его рассуждения выглядят достаточно убедительными.

Впрочем, рискнём повториться, ещё раз напомним о том, что структура мифа всегда соответствует тому явлению, которое им мифологизируется. В каком виде мы рассматриваем «образ» конкретного мифа, такую структуру и должны с ним соотносить. Если мы рассматриваем миф-текст, то миф приобретает структуру текста. Если миф-фразу, то миф обретает структуру фразы. Если мифический сюжет, то структуру сюжета. Если миф-знак, то структуру знака. И так практически во всём, так как миф способен обрести структуру любой вещи, явления, свойства, функции, пространства и овладеть его структурой, наделив её статусом мифического и не потеряв себя как целое.

Социальные параметры структурирования мифа

Помимо вышеизложенных вариантов, в историческом и этносоциальном плане мифы могут быть структурно рассмотрены как мифы различных народов (библейские, античные, индийские, китайские и т. п.) или социальных, религиозных и возрастных групп.

Тематически мифология может быть структурирована на:

- 1) мифы космогонические, мифы творения мира, этноса, человека;
- 2) мифы, раскрывающие сущность мира как космо-психо-логоса (Г.Д. Гачев) и его историческое предназначение;
- 3) мифы телеологические, несущие смысл и направление миродвижения;

4) мифы эсхатологические (апокалиптические), несущие смысл угасания и умирания или преображения.

Помимо этого, в рамках традиционной мифологии обычно выделяют мифы теогонические, антропологические, сотериологические, этиологические, календарные и т.п. Так в зависимости от целеполагания В.М. Полосин выделяет четыре вида мифологий: общекультурная (цель – человек), национальная (цель – великая Семья), религиозная (цель – абсолютное бытие) и политическая (цель – политическая власть) [25, с. 54].

Особо следует оговорить структуры социальной мифологии. Но здесь стоит отметить, что поскольку мифы, подобно воде, принимающей форму сосуда, повторяют структуру того, что мифологизируют, структура социального мифа, как завершённая и отчасти закрытая система, идентична структуре общества. В свою очередь структура современного мифа как законченной и самодостаточной системы может быть выстроена в зависимости от исходных основ и параметров, задающих точку отсчёта в структуризации. В свете этого для современной социальной мифологии возможны следующие варианты структуризации:

1) структура «общего» мифа социума, как самодостаточной социальной среды, делится на экономические, социальные, политические мифы и мифы культуры, которые в свою очередь структурируются на новых уровнях детализации;

2) структура мифов, выстроенная из соотношения общего к частному. И тогда она вбирает в себя региональные, общенациональные, цивилизационные мифы, включая мифы глобализации;

3) структура, делящая мифологию по эпохам и цивилизациям (социальные мифы античности, средневековья, эпохи Возрождения, Нового и Новейшего времени). В свою очередь каждая из них имеет свою структуру, состоящую из разного качества, масштаба и значимости мифологем и мифем;

4) структура по исходно повторяющимся социально-идеологическим установкам (мифы «демократии» и «тоталитаризма», консерватизма, либерализма, коммунизма, фашизма, нацизма, социал-демократии и т.п.);

5) структура, выстроенная в движении: от сотворения до исчезновения. В ней выделяются значимость творения, особенность развития и самовыражения, масштабность и экзистенциальность гибели;

6) структура мифа, проявленная через его функционирование;

7) структура, выстроенная на основе деления мифов – охраняющих традицию и ориентированных на обоснования новых изменений;

8) структура, в основе которой лежит деление мифов по характеру воздействия их на общество (например: созидание-разрушение, повышение морального уровня или его разложение и т. п.);

9) структура, организованная в соответствии со средой функционирования мифа (мир культуры, мир власти, мир науки, уголовный мир и пр.);

10) структура, в основу которой положено деление на мифы явные и скрытые, традиционные и современные; мифы архаики и мифы, которыми люди продолжают жить;

11) структура мифа, сформированная как иерархия ценностей и как совокупность мировоззренческих идей: социальных, политических, культурных, этических, эстетических, правовых и т.п.;

12) структура, выстроенная на бинарном противопоставлении (свой – чужой, Север – Юг, Запад – Восток, богатство – бедность, прошлое – будущее, прогресс – регресс, доля – недоля, добро – зло и т. п.).

Понятно, что данный перечень вариантов мифических структур далеко не исчерпан, так как их количество потенциально не ограничено. Поэтому наша задача была – не представить исчерпывающий список вариантов структурирования, а показать основные подходы и принципы их выявления и отбора. Тем более, что, как мы уже подчёркивали, в силу удивительной способности мифа к трансформации, он может поставить в центр структуры любую частность, сделав её основой для очередного мифологического преобразования, ввести в систему или вывести из неё, как ненужный, любой мифологический элемент. И поэтому для нас в данном вопросе важнее не путь максимальной количественной детализации, а поиск и определение исходных для структурирования мифа ключевых понятий и механизмов. И в этом смысле данная проблема, на наш взгляд, освещена достаточно за исключением двух аспектов: структурирования мифа в рамках его диалектически устроенной бинарности и структуры на основе анализа его функций. Но данные вопросы требуют отдельного рассмотрения.

Литература

1. Генон Р. Тайны буквы «нун» // Генон Р. Символы священной науки. М.: Беловодье, 2002. С. 174–179.
2. Буряк В.В. Лабиринт как метафора world wide web // Культура народов Причерноморья. №21, июль 2001. С. 197–199.
3. Зубко Г.В. Миф: взгляд на мироздание. Москва: Университетская кн., 2008. 357 с.
4. Каган М.С. О структуре мифологического сознания // Anthropology. 2001. [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/misl8_8.html (дата обращения: 12.03.2020).
5. Кирилук А.С. Универсалии культуры и семиотика дискурса. Миф. Одесса: Рось, 1996. 141 с.
6. Косарев А.Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость. М., СПб.: Университет. кн., 2000. 303 с. (Сер.: Humanitas).
7. Косиков Г.К. «Структура» и / или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа Прогресс, 2000. С. 3–48.
8. Кремнева А.В. Функционирование библейского мифа как прецедентного текста (на материале произведений Джона Стейнбека): Дис... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 170 с.
9. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та; Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999. 268 с.
10. Кэмпбелл Дж. Мифы для жизни. СПб.: Питер. 2018. 304 с.
11. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995. 192 с.

12. Леви-Строс К. Мифологии. В 4-х тт. Т. 4. Человек голый. М.: СПб.: Университетская книга, 2007. 784 с.
13. Леви-Строс К. Первобытное мышление: пер. с фр. М.: Республика, 1994. 384 с.
14. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
15. Лосев А.Ф. Самое само: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с.
16. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.
17. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Академический Проект; Мир, 2012. 331 с.
18. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. 353 с.
19. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. 584 с.
20. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов IV Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2020 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2020. 665 с.
21. Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник трудов V Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2021 года, г. Севастополь) / Под редакцией А.В. Ставицкого. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2021. 576 с. DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.001
22. Найдыш В.М. Мифология. М.: КНОРУС, 2021. 430 с.
23. Найдыш В.М. Философия мифологии. XIX – начало XXI в. М.: Альфа-М, 2004. 544 с.
24. Пивоев В.М. Миф в системе культуры. Петрозаводск, 1991. 216 с.
25. Полосин В.С. Религия. Нация. Государство. М.: НПЦ «Аль Васатя – умеренность», 2015. 504 с.
26. Современная политическая мифология: содержание и механизмы функционирования / Российский гос. гуманитарный ун-т / А.П. Логунов (сост.), Т.В. Евгеньева (сост.). М., 1996. 95 с.
27. Ставицкий А.В. Миф и исходные параметры его структурирования // Вопросы психолингвистики № 3 (41), 2019. С. 174–185. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-174-185
28. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст. 2012. 543 с.
29. Ставицкий А.В. Современный миф и его основные функции. Севастополь: Рибэст, 2012. 238 с.
30. Ставицкий А.В. Структура мифа по К. Леви-Строссу: опыт несостоятельного // Вопросы психолингвистики № 1 (35), 2018. С. 126–140. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-126-140

31. Телегин С. Ступени мифореставрации. Из лекций по теории литературы. М.: Спутник+, 2006. 376 с.
32. Титаренко С.Д. Миф как универсалия символистской культуры и поэтика циклических форм // Серебряный век. Кемерово, 1996. С. 3–14.
33. Формирование и функции политических мифов в постсоветских обществах / РАН. Ин-т Африки; Отв. ред. Евгеньева Т.В. М., 1997. 107 с.
34. Хазов В.К. Миф как фактор реорганизации культуры // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 9. С. 109–113.
35. Хюбнер К. Прогресс от мифа, через логос, к науке? [Электронный ресурс]. URL: <https://works.doklad.ru/view/tHrQpRRm-Gs.html> (дата обращения: 07.02.2022).
36. Шульга Н.В. Мифологема в структуре массового политического сознания: дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006. 175 с.
37. Degenaar, J. Discourses on Myth // Myth & Symbol. April 2007, vol. 4 (1) p. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1080/10223820701673973>
38. Rasmussen, D.M. Myth, Structure and Interpretation // Symbol and Interpretation, 1974. p. 52–69. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-010-1594-3_5

References

1. Genon R. (2002) Tajny bukvy «nun» [Secrets of the Letter «Nun»] // Genon R. Simvolny svyashchennoj nauki [Symbols of Sacred Science]. Moscow: Belovod'e, 2002. S. 174–179. (In Russian).
2. Buryak V.V. (2001) Labirint kak metafora world wide web [Labyrinth as a Metaphor World Wide Web] // Kul'tura narodov Prichernomor'ya [Culture of the peoples of the Black Sea Region]. №21, iyul' 2001. S. 197–199. (In Russian).
3. Zubko G.V. (2008) Mif: vzglyad na mirozhdanie [Myth: a View of the Universe]. Moscow: Universitetskaya kn., 2008. 357 s. (In Russian).
4. Kagan M.S. (2001) O strukture mifologicheskogo soznaniya [On the Structure of Mythological Consciousness] // Anthropology. 2001. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/kagan/misl8_8.html (data obrashcheniya: 12.03.2020).
5. Kiriliuk A.S. Universalii kul'tury i semiotika diskursa. Mif [Cultural Universals and the Semiotics of Discourse. Myth]. Odessa: Ros', 1996. 141 s.
6. Kosarev A.F. (2000) Filosofiya mifa: Mifologiya i ee evristicheskaya znachimost' [Philosophy of Myth: Mythology and Its Heuristic Significance]. Moscow, St. Petersburg: Universitet. kn., 2000. 303 s. (Ser.: Humanitas). (In Russian).
7. Kosikov G.K. (2000) «Struktura» i / ili «tekst» (strategii sovremennoj semiotiki) [“Structure” and / or “Text” (Strategies of Modern Semiotics)] // Francuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu [French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism] / Per. s fr. i vstup. st. G.K. Kosikova. Moscow: Izdatel'skaya gruppa Progress, 2000. S. 3–48. (In Russian).
8. Kremneva A.V. (1999) Funkcionirovanie biblejskogo mifa kak precedentnogo teksta (na materiale proizvedenij Dzhona Stejnbeke) [The Functioning of the Biblical Myth as a Precedent text (Based on the Works of Jonh Steinbeck)]: Dis... kand. filol. nauk. Barnaul, 1999. 170 s. (In Russian).

9. Kuz'mina N.A. (1999) Intertekst i ego rol' v processah evolyucii poeticheskogo yazyka [Intertext and its Role in the Evolusion of Poetics Language]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta; Omsk: Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 1999. 268 s. (In Russian).
10. Campbell J. (2018) Mify dlya zhizni [Myths To Live By]. St. Petersburg: Piter. 2018. 304 s. (In Russian).
11. Lacan ZH. (1995) Funkciya i pole rechi i yazyka v psihoanalize [Function and Field of Speech and Language in Psychoanalysis]. Moskow: Gnozis, 1995. 192 s. (In Russian).
12. Levi-Stros K. Mifologiki [Mythologues]. V 4-kh tt. T. 4. Chelovek golyi. M.: SPb.: Universitetskaja kniga, 2007. 784 s.
13. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie [Primal Thinking]: per. s fr. M.: Respublika, 1994. 384 s
14. Levi-Stross K. (2001) Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology] / Per. s fr. Vyach. Vs. Ivanova. Moskow: EKSMO-Press, 2001. 512 s. (In Russian).
15. Losev A.F. (1999) Samoe samo: sochineniya [The Most Very: Writings]. Moskow: EKSMO-Press, 1999. 1024 s. (In Russian).
16. Lotman YU.M. (2004) Semiosfera [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2004. 704 s.
17. Meletinskij E.M. (2012) Poetika mifa [Poetics of Myth]. Moskow: Akademicheskij Proekt; Mir, 2012. 331 s. (In Russian).
18. Mif v istorii, politike, kul'ture (2019) [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2018 goda, g. Sevastopol') [Collection of materials of the 2nd International Scientific Interdisciplinary Conference] / Pod redakciej O.A. Gabrielyana, A.V. Stavickogo, V.V. Hapaeva, S.V. YUchenko. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Sevastopole, 2019. 353 s. (In Russian).
19. Mif v istorii, politike, kul'ture (2019) [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2019 goda, g. Sevastopol') [Collection of materials of the 3rd International Scientific Interdisciplinary Conference] / Pod redakciej O. A. Gabrielyana, A. V. Stavickogo, V. V. Hapaeva, S. V. YUchenko. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2019. 584 s. (In Russian).
20. Mif v istorii, politike, kul'ture (2020) [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2020 goda, g. Sevastopol') [Collection of materials of the 4rd International Scientific Interdisciplinary Conference] / Pod redakciej A.V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2020. 665 s. (In Russian).
21. Mif v istorii, politike, kul'ture (2021) [Myth in History, Politics, Culture] [Elektronnyj resurs]: Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj konferencii (iyun' 2021 goda, g. Sevastopol') [Collection of materials of the 5rd International Scientific Interdisciplinary Conference] / Pod redakciej A.V. Stavickogo. Sevastopol': Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2021. 567 s. (In Russian). DOI: 10.35103/SMSU.2021.86.74.00
22. Najdysh V.M. (2021) Mifologiya [Mythology]. Moskow: KNORUS, 2021. 430 s. (In Russian).
23. Najdysh V.M. (2004) Filosofiya mifologii. XIX – nachalo XXI v. [Philosophy of Mythology XIX – early XXI Century]. Moskow: Al'fa-M, 2004. 544 s. (In Russian).

24. Pivoev V.M. (1991) Mif v sisteme kul'tury [Myth in the Culture System]. Petrozavodsk, 1991. 216 s. (In Russian).
25. Polosin V.S. (2015) Religiya. Naciya. Gosudarstvo [Religion. Nation. The State]. Moskow: NPC «Al' Vasatyua – umerennost'», 2015. 504 s. (In Russian).
26. Sovremennaya politicheskaya mifologiya: sodержanie i mekhanizmy funkcionirovaniya (1996) [Modern Political Mythology: Content and Mechanisms of Functioning] / Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t / A.P. Logunov (sost.), T.V. Evgen'eva (sost.). Moskow, 1996. 95 s. (In Russian).
27. Stavickiy A.V. (2019) Mif iskhodnye parametry ego strukturirovaniya [Myth and Initial Parameters of its Structuring] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. № 3 (41), 2019. S. 174–185. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-41-3-174-185 (In Russian).
28. Stavickiy A.V. (2012) Ontologiya sovremennogo mifa [Ontology of the modern myth]. Sevastopol': Ribest. 2012. 543 s. (In Russian).
29. Stavickiy A.V. (2012) Sovremennyy mif i ego osnovnye funkcii [The modern myth and its main functions]. Sevastopol': Ribest, 2012. 238 s. (In Russian).
30. Stavickiy A.V. (2018) Struktura mifa po K. Levi-Strocsu: opyt nesostoyatel'nogo [The Structure of the Myth by K. Levi-Stroes: the Experience of Insolvent] // Voprosy psiholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. № 1 (35), 2018. S. 126–140. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-35-1-126-140 (In Russian).
31. Telegin S. (2006) Stupeni miforestavratsii. Iz lekcij po teorii literatury [Stages of Myth-restoration. From Lectures on the Theory of Literature]. Moskow: Sputnik+, 2006. 376 s. (In Russian).
32. Titarenko S.D. (1996) Mif kak universalija simvolistskoj kul'tury i poetika ciklicheskih form [Myth as a Universal of Symbolist Culture and the Poetics of Cyclical Form] // Serebryanyj vek. Kemerovo, 1996. S. 3–14. (In Russian).
33. Formirovanie i funkcii politicheskikh mifov v postsovetskih obshchestvah (1997) [Formation and Functions of Political Myths in Post-Soviet Societies] / RAN. In-t Afriki; Otv. red. Evgen'eva T.V. Moskow, 1997. 107 s. (In Russian).
34. Hazov V.K. (2009) Mif kak faktor reorganizatsii kul'tury [Myth as a Factor in Cultural Reorganization] // Social'no-gumanitarnye znaniya [Social-humanitarian Knowledge]. 2009. № 9. S. 109–113. (In Russian).
35. Hübner K. Progress ot mifa, cherez logos, k nauke? [Progress from Myth, Through Logos, to Science?] [Ėlektronnyĭ resurs]. URL: <https://works.doklad.ru/view/tHrQpRRm-Gs.html> (data obrashcheniia: 07.02.2022).
36. SHul'ga N.V. (2006) Mifologema v strukture massovogo politicheskogo soznaniya [Mythologeme in the Structure of Mass Political Consciousness]: dis. ... kand. filos. nauk. Omsk, 2006. 175 s. (In Russian).
37. Degenaar, J. Discourses on Myth // Myth & Symbol. April 2007, vol. 4 (1) p. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1080/10223820701673973>
38. Rasmussen, D.M. Myth, Structure and Interpretation // Symbol and Interpretation, 1974. p. 52–69. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-010-1594-3_5

Сведения об авторе:

Ставицкий Андрей Владимирович

доцент кафедры истории и международных отношений Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе, кандидат философских наук (г. Севастополь, Россия).

E-mail: stavis@rambler.ru

Bionotes:

Stavitskiy Andrey Vladimirovich

Associate Professor, Department of History and Foreign Affairs, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Candidate of Philosophy (Sevastopol, Russia).

Для цитирования:

Ставицкий А.В. Мифологические структуры в свете общей теории мифа: основные подходы, варианты, параметры // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 153–169.

For citation:

Stavitskiy A.V. Mythological Structures In The Light Of The General Theory Of Myth: Basic Approaches, Options, Parameters // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 153–169.